

М. Потёмина

Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф. К. Делиуса «Груши Риббека»

В одной из своих статей, посвященных литературе, написанной после 1989 года, Ф. К. Делиус рассказал об истории появления своего рассказа. В первое воскресенье после Объединения он, как и многие другие западные немцы, отправился со своей семьей на экскурсию в Восточную Германию. Интерес писателя вызвала расположенная в тридцати километрах от границы деревенька Риббек, известная по балладе Т. Фонтане «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде» («Herr von Ribbeck auf Ribbeck im Havelland», 1889).

Напомним, что в основу сюжета баллады легла история о добром старике, который угощал всех соседских детей грушами. Когда ему пришла пора умирать, старый господин Риббек, зная о скаредном характере своего сына — нового хозяина грушевого сада, попросил положить себе в гроб грушу. Спустя какое-то время на его могиле выросло грушевое дерево, плодами которого вновь могли лакомиться жители Риббека.

Во время экскурсии, недалеко от воспетого в балладе грушевого дерева, писатель встретил незнакомого тракториста, который, коротко его поприветствовав, ни с того ни с сего начал «рассказывать о грушевом дереве, о деревне, о старом Риббеке, о партии, о мучительных временах и о своих несбывшихся надеждах» [3, S. 47]:

То, что он рассказывал, не было никак упорядочено, тем более хронологически выстроено, напротив, все истории, длинные или короткие, а также его комментарии к ним рассказывались сплошным потоком: вперемешку, ассоциативно, одна история тянула за собой другую. Он рассказывал так, что я вначале не понимал, произошло ли то, о чем он говорит, три или тридцать лет назад или вообще во времена старого господина Риббека и его предков [3, S. 48].

Позже Ф. К. Делиус еще несколько раз приезжал в Риббек для того, чтобы подготовить очерки для западного радио. Интервью, которые он брал в процессе работы у жителей деревни, а также рассказ тракториста легли в основу книги «Груши Риббека» («Die Birnen von Ribbeck», 1991).

Ф. К. Делиус неспроста приводит в начале своего рассказа балладу Т. Фонтане. Определенные параллели между двумя произведениями мож-

но установить не только в контексте противопоставления «своего» и «чужого», «старого» и «нового», «подаренного» и «отобранного». Баллада Т. Фонтане приобретает для писателя символическое значение. Она появилась в 1889 году, рассказ же Ф. К. Делиуса посвящен переменам, с которыми столкнулись жители ГДР после падения Берлинской стены в 1989 году. Между двумя произведениями — исторический промежуток в сто лет, наполненный яркими и судьбоносными для Германии событиями. «В Риббеке, — скажет Делиус чуть позже в одном из своих интервью, — вокруг грушевых деревьев сконцентрировались почти все проблемы немецкого Объединения, немецкой истории» [2, S. 6].

Повествование в «Грушах Риббека» ведется от лица крестьянина — коренного жителя деревни Риббек. Уже на первой странице рассказа показаны последствия падения Стены для маленькой восточной деревни. Толпы посетителей из Западного Берлина «наступают», «вторгаются» на Восточную землю. Представители Запада соответствуют всем клише: отполированные до блеска автомобили, фотоаппарат, вызывающее поведение и манера держать себя как «миллионеры». Они привозят с собой новое грушевое дерево и сажают его во дворе бывшего замка, в котором теперь располагается дом престарелых. Торжественный момент снимается на камеру, в честь «исторического события» устраивается праздник, на который приглашаются потерявшие от удивления и смущения дар речи риббекцы. Вся ситуация выглядит для них как торжественное награждение победителей. Западные гости «аплодируют сами себе» и ведут себя так, словно они «выиграли большую игру и устанавливают свой флаг на завоеванной земле» [4, S. 7]. Я-рассказчику кажется, что среди гостей есть и те, кто хочет обманом лишить его и других восточных немцев всего, что они «создали за 20 лет» [4, S. 11]. Посетители быстро переходят на «ты», ведут себя как хозяева и совсем не интересуются мнением риббекцев по поводу привнесенных в деревню перемен.

Символом сохранившейся «стены в головах» становится грушевое дерево. Посаженная западными немцами груша должна символизировать объединение, однако риббекцы задолго до этого, без большой помпы, посадили на могиле старого Риббека другое дерево, взамен того, что было уничтожено во время Второй мировой войны. Дикое грушевое деревце (Восток) и искусственно выведенный сорт (Запад), кажется, не смогут существовать вместе.

Весь рассказ состоит из одного предложения, поделенного на абзацы и представляющего собой 72 страницы текста. Монолог крестьянина — попытка выплеснуть накопившуюся боль и поведать о своих чувствах самому себе и невидимому собеседнику. Действительно, диалог в существующих обстоятельствах практически невозможен. Прежде чем коренной житель решает что-либо произнести или высказать свое мнение, западные гости уже «посадили дерево, огородили его колышками, утрамбовали землю, сто раз сфотографировались на его фоне и трижды опорожнили лейки» [4, S. 10]. Мало того, они привезли с собой западных журналистов,

которые сами же отвечают на свои риторические вопросы. Они напоминают герою журналистов ГДР, «которые никогда не хотели слышать нет, а только те ответы, которые уже были им известны» [4, S. 11]. Тем не менее его переполняет желание выговориться. Он не против новой свободы, однако с новообретенной возможностью говорить пришло заикание и неуверенность в своих силах. «Недоверчивые и гордые» взгляды западных немцев, которые они бросают на него из-под дорогих очков, заставляют его чувствовать себя «голым и бедным и обманутым» и одновременно «свободным и ободренным» [4, S. 12].

С одной стороны, благодаря форме монолога главному герою удается параллельно сообщить о событиях, происходивших в разное время в течение целого столетия на земле Хафельланда. С другой стороны, он рассказывает о непрерывном угнетении своего народа, начиная с эпохи феодализма времен господина фон Риббека и заканчивая национал-социализмом, жизнью в ГДР и недовольством, накапливающимся в жителях ГДР после Объединения («делиться мы должны друг с другом, делиться и господствовать, мы делимся, вы господствуете») [4, S. 46].

По мнению Лежека Жилинского, такая история, рассказанная «снизу» благодаря монологической, динамично-ритмической манере повествования приобретает почти вакхическую, выходящую за рамки условностей синтаксиса и общественных систем, форму [8, S. 89]. Герхард Фишер также видит в ней «историю поиска языка, или обучения языку» [6, S. 151]. Ассоциативный речевой поток, «без тормозов, бурно разрастающийся в разные стороны воспоминаний — выражение зарождающегося нового и еще непривычного акта выражения своих мыслей через слова, заново выстраиваемого (конструируемого) самосознания. Говорящий возвращает себе собственный язык, которого его лишили за время господства национал-социализма в условиях двух диктаторских систем» [6, S. 151].

С «я» герой со временем переходит на «мы», а затем вновь употребляет «я». К возможности свободно говорить то, что думаешь, ему еще нужно привыкнуть:

И я нахожусь в нерешительности с этими новыми мыслями в голове, так как неуклюжее Мы, десятилетиями исчисляемое Мы, поднятое на свет из подвала, растворяется на краях, и челюстные мышцы больше не болят у того, кто один раз громко говорит «я», «мы» или «ты», или «мы бы рассказали», или «не рассказали бы», или рассказали постепенно, мало-помалу, так как я сам к этому времени разучился громко говорить, что думаю, или заставил себя отвыкнуть... [4, S. 15].

По мнению Райнхарда Баумгарта, «я» — это, с одной стороны, «я» отдельной личности, с другой — «мы» собирательного образа жителя ГДР, коллективное «я», которое многоголосно, но единогласно как в греческой трагедии, оплакивает прежние, все еще продолжающиеся страдания немцев в Риббеке, а в их лице и жителей всей бывшей ГДР» [1, S. 13].

Форма монологического высказывания достаточно часто используется писателями в литературе после Объединения. Связано это, по мнению Найхаусса, с тем, что протагонисты просто не имеют настоящего партнера по диалогу, собеседника в духе концепции философа Мартина Бубера. Правда, из-за отсутствия необходимого опыта общения они не готовы и к тому, чтобы «наслаждаться отсутствием границ, безграничной свободой, которую предоставляет им монологический поток сознания» [7, S. 200].

Фигура крестьянина в «Грушах Риббека» — это не просто сентиментально-плаксивый *осси*, представляющий себя жертвой Объединения, а эпический рассказчик, который является «поэтическим медиумом» [7, S. 186], посредником, находящимся по ту сторону каких-либо идеологических распрей, не участвующим в процессе переключивания восточными и западными немцами друг на друга вины за тяжелое прошлое и нестабильное настоящее.

Эпический рассказчик был необходим, поскольку внутреннее противостояние восточных и западных немцев после Объединения препятствовало конструктивному диалогу друг с другом, не находило взаимопонимания между *осси* и *весси* в новой ситуации очередного исторического перелома.

С точки зрения Манфреда Дуржека, рассказ представляет собой «ритмически члененную прозу, которую без проблем можно разделить на стихотворные строки и строфы» [5, S. 181]. Свободное обращение автора с дактилическим рисунком также указывает на близость рассказа Делиуса к эпосу, благодаря чему современный материал стилизуется, ему придается архаический характер.

Ханс Кристоф Найхаусс, как и Манфред Дуржек, отмечает, что Ф. К. Делиус намеренно обращается к форме эпоса, для того чтобы привлечь внимание к наиболее важным историческим событиям. Рассказчик, не уверенный в том, что сможет высказать свое субъективное мнение об Объединении, ясно и точно, как в эпосе, использует все ранее заданные жанром темы и клише, которыми западная пресса описывала события в чуждой и непонятной бывшей ГДР. Эпос, по мнению Найхаусса, представляет собой некую «устоявшуюся тотальность» общественного порядка. В романе или рассказе обычно повествуется о частной жизни в субъективном ключе. Монолог крестьянина из Риббека в «Грушах Риббека» Ф. К. Делиуса как формально, так и по настроению зеркально отражает характер эпического произведения. Как полагает Найхаусс, «в бесконечном потоке слов, смывающем на своем пути все границы закрытого до этого эпического мира, Делиус структурно показал, как «частное» (народ в ГДР) смыкает со своего пути «официальное» (прочный всеохватывающий, тотальный мир государства ГДР) [7, S. 200]. В своей статье Ф. К. Делиус в какой-то степени подтверждает это предположение и ссылается на следующее высказывание Итало Кальвино: «...чем абстрактнее и истощеннее становится политический язык,

тем сильнее чувствуется невысказанная потребность в другом, более личном, прямом языке. Даже в провоцирующем» [3, S. 63].

Нужно отметить, что монологичность в рассказе Ф. К. Делиуса «Груши Риббека», судя по всему, играет более важную роль, чем можно было предположить, анализируя текст. Вскоре после появления рассказа Делиуса театр в Стендале попытался представить это «повествовательное стихотворение» [5, S. 184] в драматической форме на сцене. Ф. К. Делиус тогда согласился на инсценировку, но был уверен, что она не удалась по той причине, что эпическое «я» было растворено в большом количестве отдельных голосов свидетелей Объединения, чья позиция с идеологической точки зрения (одобрение или отрицание процесса объединения) легко «считывалась» зрителями. Несмотря на то что режиссером сохранилась форма радиоочерка, в драматическом представлении исчезло панорамное превосходство эпического рассказчика, который с одинаковым вниманием фиксирует все, каждую деталь окружающей его жизни, какой бы противоречивой она ни казалась.

Рассказ Ф. К. Делиуса монологичен лишь по внешней форме. По своей же сути высказывания жителя восточной Германии в духе Бахтина глубоко диалогичны. Они предполагают собеседника — любого гражданина некогда разъединенной Германии, будь то *осси* или *весси*. Да и сам писатель (западный немец) через фигуру рассказчика (немца восточного) вступает в диалог с самим собой.

Список литературы

1. Baumgart R. Deutsch-deutsche Sprechblasen. Friedrich Christian Delius. Beitrag zur deutschen Einheit // Die Zeit. 1991. 22. März.
2. Bullivant K. „Bewundernswert, was Sie alles schon damals...“ : Gespräch mit Friedrich Christian Delius // Literatur für Leser. 1995. 1.
3. Delius F. Ch. Warum ich immer noch kein Zyniker bin oder Die Zukunft der Wörter // Literatur und Identität. Deutsch-Deutsche Befindlichkeiten und die multikulturelle Gesellschaft / hrsg. von U. E. Beitter. N. Y., 2000.
4. Dellius F. Ch. Die Birnen von Ribbeck. Hamburg, 1993.
5. Durzak M. De Früchte der Wende? Zu Delius` Erzähl-Poem Die Birnen von Ribbeck // M. Durzak, H. Steinecke / hrsg von F. C. Delius : Studien über sein literarisches Werk. Tübingen, 1997.
6. Fischer G. Der Literat als Historiker. Zur Darstellung bei Günter Grass und Friedrich Christian Delius // Schreiben nach der Wende. Ein Jahrzehnt deutscher Literatur 1989—1999 / hrsg. von G. Fischer, D. Roberts. Tübingen, 2001.
7. Nayhauss H.-Ch. Graf von. Zu Delius „Die Birnen von Ribbeck“ aus literaturdiktischer Sicht // Delius F. C. Studien über sein literarisches Werk / hrsg. von M. Durzak, H. Steinecke. Berlin, 1997.
8. Zylinski L. Autobiographie als erlebte Zeitgeschichte. Zu zwei Erzählungen von Friedrich Christian Delius // Das „Prinzip Erinnerung“ in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur nach 1989 / hrsg. von C. Gansel, P. Zimniak. Göttingen, 2010.

IV

---

*Россия — Польша:
взаимоотношения, взаимосвязи
в литературе, науке, культуре*

*Материалы
международного научного семинара,
состоявшегося 4 октября 2012 года
и посвященного памяти В. А. Хорева*